

- [Гилберт Кит Честертон](#)
 -
 - [Примечания](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Гилберт Кит Честертон

Преступление коммуниста

Из-под хмурой тюдоровой арки умудренного Мандевильского колледжа на яркий свет бесконечно долгого летнего вечера вышли трое и остановились среди белого дня, точно громом пораженные. То, что они увидели, потрясло их необычайно.

Надвигающейся катастрофы они не почувствовали; но им бросилось в глаза одно разительное противоречие. Сами они ненавязчиво гармонировали с окружением. Тюдоровы арки, облегающие университетские сады монастырской стеной, были возведены четыре столетия назад, когда готика низверглась с небес и низко склонилась, едва ли не сжалась перед уютными вместилищами гуманизма и Возрождения; эти же трое одеты были по моде (иными словами — так, что уродству их одеяний подивилось бы любое из четырех столетий), но все же что-то объединяло их с духом этого места. Сады были разбиты столь искусно, что казались естественными; цветы излучали нечаянную прелесть, словно прекрасные сорняки; а современный костюм был хорош хотя бы своей небрежностью. Первый из трех, высокий, лысый, бородатый, слыл человеком известным в квадратных двориках университета. На нем была мантия и докторская шапочка; мантия то и дело соскальзывала с узких плеч. Второй был невероятно широкоплеч, невысок и крепко сбит. На нем была обычная куртка; он жизнерадостно улыбался, а мантию перекинул через руку. Третий, в черной священнической рясе, был и ростом ниже, и одет попроще. Но все они превосходно смотрелись на фоне Мандевильского колледжа и вполне соответствовали непередаваемой атмосфере одного из старейших университетов Англии. Они так прекрасно отвечали его духу, что казались незаметными; а это здесь любят больше всего.

Два человека, сидевших в садовых креслах за столиком, выделялись черным пятном на серо-зеленом фоне. Одеты они были только в черное и все же сверкали от шелковых цилиндров до лакированных ботинок. Здесь, в тщательно выпестованной свободе Мандевильского колледжа, было почти неприлично одеваться так хорошо. Спасало их только одно — они были иностранцы. Первый, американский миллионер по имени Хейк, отличался тем безукоризненным, истинно джентльменским блеском,

который ведом лишь богачам Нью-Йорка. Другой, чьи грехи отягчались еще и каракулевой накидкой (не говоря уж о рыжих бакенбардах), был очень богатым немецким графом, и самая краткая часть его фамилии звучала так: фон Циммерн. Однако тайна этой истории — не в том, как появились в колледже эти джентльмены. Они появились здесь по причине, легко совмещающей несовместимое: решили дать колледжу денег. Выполняя то, что поддержали финансисты и магнаты разных стран, они собирались создать кафедру экономики и осмотрели колледж с той неутомимой и добросовестной любознательностью, на которую из всех сынов Адамовых способны лишь немцы и американцы. Теперь они отдыхали от своих трудов, торжественно взирая на сады колледжа. Пока все шло хорошо.

Трое других уже виделись сегодня с ними и, слегка кивнув, проследовали далее. Но один из них — коротышка в черной рясе — остановился.

— Знаете, — проговорил он робко, словно кролик, — мне что-то не нравится их вид.

— Боже правый! Да кому он понравится? — воскликнул высокий, оказавшийся Магистром, главой Мандевильского колледжа. — В конце концов у нас найдется несколько состоятельных людей, которые не наряжаются, как манекены.

— Вот, — тихо сказал маленький священник. — Вот именно. Как манекены.

— О чем это вы? — резко спросил средний.

— Они похожи на страшных восковых кукол, — едва проговорил священник. — Понимаете, они не шевелятся. Почему они не шевелятся?

Внезапно стряхнув замешательство, он бросился через сад и тронул за локоть немецкого барона. Немецкий барон как сидел, так и свалился. Ноги в черных брюках торчали, словно ножки кресла.

Мистер Гидеон Р. Хейк обозревал сады колледжа стеклянным взором; он и впрямь был похож на восковую куклу, а у них ведь стеклянные глаза. Как бы то ни было, в ярком вечернем свете, на фоне пестрого сада он и впрямь казался щегольски одетой куклой, марионеткой из итальянского театра.

Коротышка в черном — священник по имени Браун — на всякий случай тронул миллионера за плечо. Миллионер свалился не меняя позы, будто он весь был вырезан из цельного куска дерева.

— Rigor mortis, ¹ — произнес отец Браун. — И так быстро... Это уже серьезно.

Причина, по которой первые трое увидели двух других столь поздно (если не слишком поздно), прояснится, когда мы расскажем, что же произошло в здании, по ту сторону тюдоровой арки перед тем, как все они вышли в сад. Они обедали вместе за главным столом профессорской столовой; но иностранные филантропы, рабы своего ревизорского долга, важно удалились в часовню осматривать очередную галерею и очередную лестницу и пообещали присоединиться к остальным в саду, чтобы так же скрупулезно исследовать здешние сигары. Остальные, будучи людьми более здоровыми и почитавшими традицию, собрались за узким дубовым столом, вокруг которого после обеда разносили вино. С тех пор как в средние века сэр Джон Мандевиль основал колледж, считалось, что вино вдохновляет рассказчиков.

Магистр, седобородый и почти лысый, сидел во главе стола, а по левую руку от него — угловатый коротышка (ведь он был казначей, или, скажем иначе, бизнесмен колледжа). Рядом с ним, по ту же сторону стола, сидел странного вида человек с каким-то скрюченным лицом, ибо его усы и брови, расходившиеся под разными углами, образовали зигзаг, будто у него пол-лица парализовано. Звали его Байлз, читал он римскую историю и в своих политических убеждениях опирался на Кориолана, не говоря уже о Тарквинии Старшем. Упорный консерватизм и рьяно реакционные взгляды на все, что происходит, не так уж редки среди самых старомодных университетских преподавателей; но у него это было скорее плодом, чем причиной резкости. Тем, кто пристально наблюдал за ним, казалось: что-то у него не в порядке, будто он озабочен какой-то тайной или страшной бедой; будто полуссохшееся лицо и впрямь поразила молния. Рядом с ним сидел отец Браун, а на самом конце стола — профессор химии, крупный, приятный блондин с сонным, несколько хитроватым взглядом. Все знали, что этот служитель натурфилософии считает ретроградами прочих философов, принадлежащих к умеренно классической традиции. По другую сторону стола, как раз напротив отца Брауна, сидел темнолицый и тихий человек, еще молодой, с темной бородкой; он появился в колледже, ибо кому-то вздумалось открыть кафедру персидской словесности. Напротив зловещего Байлза расположился маленький добросердечный Чэплен с яйцеобразной головой. Напротив казначея и справа от Магистра кресло пустовало. Многие были этому рады.

— Я не уверен, что Крейкен появится, — произнес Магистр, бросая на кресло нетерпеливый взгляд, который никак не вязался со спокойствием его свободных манер. — Не люблю никого неволить, но, признаться, я уже дошел до того, что чувствую себя спокойней, когда он здесь. Спасибо, что

не где-нибудь еще!

— Никогда не знаешь, что он выкинет, — воскликнул жизнерадостно казначей. — Особенно, если он обучает студентов.

— Личность он яркая, но уж больно вспыльчив, — сказал Магистр, внезапно обретая былую сдержанность.

— Фейерверк тоже вспыльчив, и притом довольно ярок, — проворчал старый Байлз. — Но мне не хотелось бы сгореть в собственной постели, чтобы Крейкен стал истинным Гаем Фоксом.

— Неужели вы думаете, что, начнись революция, он будет участвовать в насилии? — улыбаясь, спросил казначей.

— Во всяком случае, он думает, что будет, — резко отвечал Байлз. — На днях говорил полному залу студентов, что классовая борьба непременно превратится в войну с уличной резней, но это ничего, ибо в конце концов победят коммунисты и рабочий класс.

— Классовая борьба, — задумчиво вымолвил глава колледжа, давно знакомый с учением Уильяма Морриса и неплохо разбирающийся в идеях самых изысканных и досужих социалистов. Расстояние погасило его брезгливую интонацию. — Никак не возьму в толк, что это за классовая борьба. Когда я был молод, считали, что при социализме нет классов.

— Все равно что сказать: социалисты — это не класс, — кисло, если не едко заметил Байлз.

— Несомненно, вы настроены против них сильнее, чем я, — задумчиво произнес глава колледжа. — А вообще-то мой социализм так же старомоден, как и ваш консерватизм. Любопытно, что нам скажут наши молодые коллеги. Что вы об этом думаете, Бейкер? — обратился он к казначею, сидящему слева от него.

— Ну, как говорят в народе, я вообще не думаю, — засмеялся казначей. — Не забывайте, я человек совсем простой. Никакой не мыслитель, всего лишь бизнесмен. А как бизнесмен я полагаю, что все это чушь. Нельзя уравнивать людей, и совсем уж дурно платить им поровну, особенно тем, кому платить не за что. Как бы ни выглядел социализм, придется искать практический выход, иначе вообще ничего не выйдет. Не наша вина, что природа все так запутала.

— Тут я с вами согласен, — как-то по-детски шепеляво произнес профессор химии. — Коммунизм хочет быть уж совсем новым, но он отнюдь не нов. Он просто отбрасывает нас к суевериям монахов и первобытных племен. Мыслящее правительство, несущее нравственную ответственность за будущее, всегда ищет путь надежды и прогресса, а не спрямляет его, не сворачивает обратно, в грязь. Социализм — это

сентиментальность. Он опасней чумы, поскольку во время чумы самые сильные выживут.

Магистр не без грусти усмехнулся.

— Вы и сами знаете, что мы с вами по-разному относимся к разногласиям. Здесь кто-то недавно рассказывал, как гулял с другом вдоль реки: «Мы соглашались во многом, кроме мнений». Чем не девиз университета? Иметь сотню мнений и ничего о себе не возомнить. Если кто-то у нас не преуспел, причина

— в том, какой он, а не в том, что он думает. Возможно, я — пережиток восемнадцатого столетия, но мне по душе старая сентиментальная ересь: «За веру пусть зилот безумный бьется; кто праведно живет — не ошибется». Что вы на это скажете, отец Браун?

Он лукаво покосился на Брауна и немного испугался, ибо привык видеть священника добрым, веселым и приветливым. Его круглое лицо почти всегда светилось юмором; но сейчас оно было хмурым как никогда, — на мгновение простодушный Браун стал напряженной зловещего Байлза. Тучи сразу рассеялись. Но заговорил отец Браун сдержанно и твердо.

— Ну, я в это не верю, — коротко начал он. — Разве может быть праведной жизнь, если представление о жизни ложно? Вся эта нынешняя путаница оттого и возникла, что люди не знают, какими различными бывают представления о жизни. Баптисты и методисты знали, что не слишком расходятся в нравственности; но ведь и в религии, и в философии они не слишком далеки друг от друга. А вот между баптистами и анабаптистами разница огромная; или между теософами и индийской сектой душителей. Если ересь достаточно еретична, она всегда влияет на мораль. Человек может честно верить, что воровать — похвально. Но разумно ли говорить, что он честно верит в бесчестность?

— Черт, как здорово! — сказал Байлз и скорчил зловещую гримасу, которую, по мнению многих, считал дружеской улыбкой. — Поэтому я против того, чтобы у нас была кафедра теоретического воровства.

— Вот, все вы нападаете на коммунизм, — вздохнув, произнес Магистр. — Неужели вы думаете, что он так распространен? Стоит ли на него нападать? Неужели хоть одна из наших ересей столь влиятельна, что представляет опасность?

— Я полагаю, они так влиятельны, — серьезно сказал отец Браун, — что в некоторых кругах их принимают как должное. Их воспринимают бессознательно. Не поверяя сознанием, совестью.

— Это прикончит нашу страну, — вставил Байлз.

— Страну прикончит что-нибудь похуже, — сказал отец Браун.

Вдруг по панели противоположной стены скользнула тень, и в ту же секунду показался тот, кто ее отбрасывал, длинный сутулый человек, чем-то похожий на хищную птицу. Сходство это усилилось, ибо он появился внезапно, прошмыгнул быстро, словно птица, которая, испугавшись, вспорхнула с ветки. То был длинноногий сутулый мужчина со свисающими усами, хорошо знакомый собравшимся; но из-за тусклых сумерек и слабого света или из-за самих его движений все связали эту быструю тень с невольным пророчеством священника, словно тот был авгуром, как в Древнем Риме, а полет птицы — знамением. Должно быть, мистер Байлз мог прочесть лекцию о таких предсказаниях, и особенно — об этой птице, предвестнице несчастий и бед.

Человек пронесся вдоль стены вслед за собственной тенью, опустился в незанятое кресло по правую руку от Магистра и оглядел казначея и всех присутствующих пустым взглядом. Его ниспадающие волосы и висячие усы были почти русыми, но глубоко посаженные глаза казались черными. Все знали или могли предположить, кто пришел; но сразу по его приходе случилось то, что прекрасно прояснило ситуацию. Профессор римской истории внезапно вскочил и вылетел из комнаты, выражая без лишних тонкостей, что не может сидеть за одним столом с профессором теоретического воровства, то есть — коммунистом, мистером Крейкеном.

Магистр исправил неловкость взволнованно и любезно.

— Дорогой Крейкен, — улыбнулся он. — Я защищал вас или некоторые ваши взгляды. Хотя, конечно, вы бы меня не защищали. Как-никак, я не могу забыть, что у социалистов, друзей моей юности, был прекрасный идеал братства и дружбы. Уильям Моррис выразил это так: «В доброй дружбе — рай небесный, в несогласье — ад кромешный».

— «Профессора как демократы». Недурной заголовок, — скорее неприязненно сказал Крейкен. — Не назовет ли наш узколобый Хейк кафедру коммерции именем Морриса?

— Видите ли, — ответил глава колледжа, безнадежно пытаясь быть приветливым, — думаю, в каком-то смысле на всех наших кафедрах царит добрососедство.

— О, да! Университетский вариант афоризма, — проговорил Крейкен. — «В штатном месте — рай небесный, в увольнение — ад кромешный».

— Оставьте ваши колкости, — прервал его казначей. — Глотните портвейна. Тенби, передайте бутылку мистеру Крейкену.

— Хорошо, выпью, — чуть вежливей ответил коммунистический

профессор. — Вообще-то я шел покурить в сад. Потом выглянул в окно и увидел, что там цветут ваши драгоценные гости, свежие бутоны. Вообще-то не мешало бы поделиться с ними умом...

Приветливо, как велела традиция, Магистр поднялся и с превеликой радостью поспешил оставить казначея на растерзание Дикаря. Поднялись и другие; группы стали распадаться. Казначей и мистер Крейкен остались вдвоем в конце стола; один лишь Браун все сидел, хмуро глядя в пустоту.

— Сказать вам по правде, — начал казначей, — я сам чертовски от них устал. Чуть не весь день копался в цифрах, в фактах, ну во всех этих новых делах. Послушайте, Крейкен, — он наклонился над столом и заговорил с мягкой настойчивостью, — не стоит так разоряться из-за этой кафедры. У вас — одно, у них — другое. Вы — единственный преподаватель политэкономии в Мандевиле. Я не разделяю ваших взглядов, но вы, как-никак, добились европейской известности. А у них будут читать специальный курс, прикладную экономику. Я вам жаловался, сегодня я ужасно много занимался прикладной экономикой, говорил о делах с деловыми людьми. Хотели бы вы этим заниматься? Выдержали бы? Есть чему завидовать! Неужели не ясно, что предмет у них особый, и кафедра будет особая?

— Боже правый! — с атеистическим пылом воскликнул Крейкен. — Неужто вы думаете, что я против прикладной экономики? Когда ее прикладываем мы, вы кричите о красной угрозе и анархии; а когда прикладываете вы, я возьму на себя смелость назвать это эксплуатацией. Если бы вы ее толком прикладывали, может, меньше бы народ голодал. Мы — люди практичные. Поэтому вы нас боитесь. Поэтому вы и наняли двух сытых капиталистов. И все из-за того, что у меня развязался язык.

— Не язык у вас развязался, — улыбнулся казначей, — а вы сами точно с цепи сорвались.

— А вы меня хотите посадить на золотую цепь? — спросил Крейкен.

— Наверное, мы с вами никогда не столкнемся, — ответил казначей. — А ведь эти гости уже вышли из часовни в сад. Если хотите покурить, идите к ним.

Видимо развлекаясь, он смотрел, как его собеседник рылся по карманам, пока не извлек трубку. Затем, глядя на казначея отсутствующим взглядом, Крейкен поднялся, овладев собой. Мистер Бейкер, казначей, завершил спор примиряющим смехом.

— Да, вы люди практичные, вы способны взорвать целый город. Только забудете подложить динамит, как забыли положить в карман табак. Ничего, возьмите мой. Спички?

Он перебросил кисет и спички через стол, а мистер Крейкен поймал их на лету с проворством, которого не теряет бывший игрок в крикет, даже если взгляды его не слишком похожи на игру. Оба поднялись одновременно; но казначей не удержался и сказал:

— Что ж, кроме вас людей практичных и нет? А как насчет прикладной экономики? Я вот не забываю табак и трубку.

Крейкен бросил на него огненный взгляд и, медленно допив вино, ответил:

— Скажем, это другая практичность. Да, я забываю всякие мелочи. Но вы поймите. — Он машинально вернул кисет; взгляд его был далек и горяч, почти ужасен, — разум наш стал другим, мы иначе мыслим о добре и потому совершим то, что вам представляется злом. Это будет вполне практично.

— Да, — сказал отец Браун, внезапно приходя в себя. — Именно об этом я и говорил.

Он посмотрел на Крейкена прозрачным, почти призрачным взглядом и прибавил:

— Мы с мистером Крейкеном совершенно согласны.

— Что ж, — подытожил Бейкер, — Крейкен собирается выкурить трубку в компании плутократов. Вряд ли это будет трубка мира.

Он резко повернулся и окликнул престарелого слугу, стоящего поодаль. Мандевиль был одним из последних старомодных колледжей; Крейкен, еще задолго до нынешнего большевизма, считался одним из первых коммунистов.

— Вот что, — сказал казначей, — раз уж вы не пустите по кругу вашу трубку, давайте угостим наших гостей сигарами. Если они курят, им будет приятно покурить. Они ведь рыскали по часовне чуть ли не с полудня.

Крейкен взорвался оглушительным смехом.

— Отнесу им сигары, отнесу! — крикнул он. — Ведь я всего лишь пролетарий.

Казначей, отец Браун и слуга видели, как коммунист яростно зашагал в сад, к миллионерам. И никто ничего не слышал о них, пока, как мы говорили, священник не обнаружил их трупы.

Условились, что священник и Магистр останутся охранять сцену, где свершилась трагедия, а казначей, более молодой и уж несомненно более быстрый, вызовет врача и полицию. Отец Браун подошел к столу, где лежал окурок одной из сигар, всего в два-три дюйма длиной. Другая сигара выпала из помертвевших рук и рассыпалась тлеющими искорками на потрескавшуюся садовую дорожку. Глава Мандевиля довольно неуклюже

опустился на скамейку, стоявшую поодаль от стола, и уткнулся лицом в ладони. Затем он поднял глаза, взглянул, сперва — устало, а потом — испуганно, и тишину сада, словно маленький взрыв, огласил крик ужаса.

Отец Браун обладал одним свойством, которое иногда было поистине жутким. Он всегда думал о том, что делает, и никогда не думал о том, делают ли это. Самую отвратительную, презренную, грязную работу он выполнял со спокойствием хирурга. Там, где обычно располагаются предрассудки и сентиментальности, в его бесхитростном сознании зияла пустота. Он сел в кресло, откуда свалился покойник, поднял сигару, которую тот докурил до половины, аккуратно стряхнул пепел, внимательно рассмотрел другой конец, сунул его в рот и закурил. Все это казалось непристойной, гротескной буффонадой, насмешкой над мертвым; но отец Браун явно считал это вполне здоровым. Дым поднимался кверху, словно курения над жертвенником языческого бога; но отец Браун полагал, что самый простой способ узнать все про сигару — выкурить ее. Старый его друг, глава Мандевиля, испугался еще больше, смутно, но мудро заподозрив, что отец Браун рискует жизнью.

— Нет, тут, кажется, все в порядке, — сказал священник, кладя сигару на место. — Отличнейшие сигары. Ваши сигары. Не американские и не немецкие. Сигары сами по себе вряд ли представляют интерес, лучше заняться пеплом. Их отравили какой-то гадостью, от которой мгновенно цепенеют. Кстати, а вот этот человек знает тут больше нас с вами.

Глава колледжа в растерянности сел на скамейку, ибо вслед за крупной тенью, упавшей на дорожку, появился человек, несмотря на свою тучность, легконогий, как тень. Профессор Водэм, крупный ученый с кафедры химии, всегда двигался неслышно. В том, что он прогуливался по саду, ничего странного не было. Странно было другое: стоило помянуть химию, как появлялся Водэм.

Профессор Водэм гордился своей уравновешенностью (другие сказали бы — своей бесчувственностью). На его светлой прилизанной голове и волосок не шевельнулся, широкое жабье лицо было спокойно, — он стоял и безразлично смотрел на трупы. Когда он перевел взгляд на пепел, собранный священником, он приблизился, потрогал его пальцем и стал еще неподвижней; но глаза его на мгновение как-то выдвинулись, точно окуляр микроскопа. Он что-то обнаружил или понял; но не сказал ни слова.

— Не знаю, с чего тут начать, — промолвил глава колледжа.

— Я бы, — ответил отец Браун, — для начала спросил, где эти несчастные провели сегодня день.

— Они довольно долго околачивались у меня в лаборатории, —

впервые заговорил Водэм. — Казначей часто приходит поболтать, и на сей раз привел с собой двух своих патронов, посмотреть мой отдел. Наверное, они везде успели побывать. Истинные туристы. Я знаю, что они побывали в часовне, и даже в подземном ходе под склепом, пришлось там зажечь свечи. А могли бы обедать, как нормальные люди! Видимо, Бейкер везде их таскал за собой.

— Интересовались они чем-то у вас? — спросил священник. — Что именно вы тогда делали?

Профессор химии пробормотал химическую формулу, начинающуюся «сульфатом» и заканчивающуюся чем-то вроде «силениум», но непонятную для обоих слушателей. Затем он, скучая, отошел в сторону, где не было тени, сел на скамью, закрыл глаза и с завидной выдержкой подставил широкое лицо солнечным лучам.

В ту же секунду лужайку стремительно пересек человек, ничуть не похожий на Водэма. Он летел прямо и стремительно, точно пуля. По аккуратному черному костюму и умной собачьей физиономии отец Браун узнал в нем полицейского врача, с которым ему приходилось встречаться в самых бедных кварталах. Из официальных лиц он прибыл первым.

— Послушайте, — обратился к священнику глава колледжа еще до того, как врач мог его услышать. — Кажется, я что-то понял. Вы всерьез говорили, что коммунизм опасен и ведет к преступлению?

— Да, — ответил отец Браун и грустно усмехнулся. — Я действительно заметил, что распространились кое-какие коммунистические обычаи. В определенном смысле вот это — коммунистическое преступление.

— Благодарю, — сказал глава колледжа. — Тогда я должен немедленно уйти и кое-что разузнать. Передайте властям, минут через десять я вернусь.

Глава колледжа нырнул под одну из арок как раз в тот момент, когда врач подошел к столу и бодро поздоровался с отцом Брауном. Священник пригласил его присесть к злополучному столику, но доктор Блейк резко и выразительно покосился на крупного, расплывшегося и словно бы сонного химика, устроившегося на скамье. Отец Браун объяснил ему, кто это, и что этот человек рассказал, а врач выслушал молча, занимаясь предварительным осмотром трупов. Естественно, его больше занимали тела, чем какие-то неопределенные показания, как вдруг одна подробность полностью отвлекла его от анатомии.

— Над чем, сказал профессор, он работает? — спросил он.

Отец Браун спокойно повторил непонятную формулу.

— Что? — вскричал доктор Блейк. — Черт возьми, да ведь это

чудовищно!

— Потому что это яд? — спросил отец Браун.

— Потому что это чушь, — ответил доктор Блейк. — Чепуха какая-то. Профессор знаменитый химик. Зачем знаменитому химику сознательно нести такую околесицу?

— Мне кажется, я догадываюсь, в чем здесь дело, — кротко ответил отец Браун. — Он несет околесицу, потому что он лжет. Он что-то скрывает. Особенно — от этих людей и их представителей.

Доктор перевел взгляд с трупов на знаменитого химика, почти неестественно неподвижного. Наверно, он все-таки уснул. Садовый мотылек опустился на него, и он сразу стал похож на каменного идола. Крупные складки его жабьей физиономии напоминали врачу обвислую кожу носорога.

— Да, — тихо произнес отец Браун. — Он плохой человек.

— Черт подери! — воскликнул доктор, глубоко потрясенный. — Вы полагаете, что ученый такого уровня замешан в убийстве?

— Придирчивые критики именно так бы и сказали, — бесстрастно отвечал священник. — Мне и самому не очень нравятся люди, причастные к таким убийствам. Но важнее другое: эти бедолаги — из самых придирчивых его критиков.

— Иными словами, они раскрыли его тайну, а он заставил их замолчать? — нахмурился доктор Блейк. — Но что же, черт возьми, у него за тайны? Как можно убить двух людей, да еще в этой обстановке?

— Я открыл вам его тайну, — сказал священник. — Тайну его души. Он — дурной человек. Ради Бога, не думайте, что я говорю так, потому что мы с ним люди разных школ или традиций. У меня много друзей среди ученых, и большей частью они совершенно, героически бескорыстны. Самые закоренелые скептики — и те неосознанно бескорыстны. Но время от времени натыкаешься на материалиста, в другом смысле слова — на зверя. Повторяю, он плохой человек. Гораздо хуже... — тут отец Браун принялся подыскивать слово.

— Гораздо хуже коммуниста? — подсказал его собеседник.

— Нет, гораздо хуже убийцы, — отвечал отец Браун.

Он рассеянно поднялся и вряд ли заметил, что доктор Блейк пристально на него смотрит.

— Разве вы не считаете, — спросил наконец Блейк, — что Водэм убийца?

— Нет, что вы, — словно обрадовавшись, ответил отец Браун. — Убийца куда приятней, его гораздо легче понять. В конце концов, он был в

отчаянии. Он разъярился, он отчаялся — вот его оправдания.

— Значит, это все-таки коммунист? — воскликнул доктор.

В это время весьма кстати подоспела полиция с новостями, подводящими итог расследованию. Она несколько задержалась по той вполне понятной причине, что схватила преступника. Собственно, его схватили прямо у ворот их собственной конторы. Крейкена уже подозревали из-за городских беспорядков; и когда узнали о преступлении, решили арестовать для верности. И были правы. Ибо, радостно объяснил инспектор Кук собравшимся на лужайке профессорам и докторам колледжа, когда пресловутый коммунист был схвачен, при нем тут же обнаружили коробок с отравленными спичками.

Едва отец Браун услышал слово «спички», он вскочил со скамейки, будто зажженную спичку сунули ему на сиденье стула.

— Ах, вон что! — сияюще воскликнул он. — Теперь все ясно.

— Что значит «ясно»? — строго спросил Магистр, снова солидный и властный, как ему и подобает, под стать важным полицейским, наводнившим колледж, точно армия победителей. — Вы теперь уверены, что с обвинениями против Крейкена все чисто?

— Я уверен, что Крейкен чист, — твердо сказал отец Браун, — и все вокруг него расчистилось. Неужели вы считаете, что такой человек способен травить людей спичками?

— Это все превосходно, — печально отвечал Магистр; печаль не покидала его с тех пор, как он узнал о беде. — Но вы же сами утверждали, что фанатики, у которых ложные принципы, способны творить зло. Мало того, — вы заметили, что коммунизм проникает повсюду, а коммунистические обычаи распространяются.

Отец Браун смущенно засмеялся.

— Ну, про обычаи, — сказал он, — тут уж вы меня простите. Вечно я всех путаю своими глупыми шуточками!

— Хороши шуточки! — раздраженно бросил Магистр.

— Видите ли, — стал объяснять священник, почесывая в затылке. — Когда я говорил о коммунистических обычаях, я имел в виду привычку, которую мне случалось замечать раза два-три. Ну, вот хотя бы сегодня. Обычай этот свойствен далеко не только коммунистам. Теперь так очень многие делают, особенно англичане. Они кладут в карман чужие спички, забывают вернуть. Казалось бы, ерунда, и говорить не о чем. А вот, получилось преступление.

— Что-то уж очень странно, — сказал врач.

— Да, чуть ли не все забывают вернуть спички, — продолжал отец Браун, — а уж Крейкен точно позабудет их вернуть. Вот отравитель и подсунил их Крейкену — одолжил и не получил назад. Поистине великолепный способ свалить вину — ведь Крейкен никогда не вспомнит, откуда они у него взялись. Ничего не подозревая, он дал прикурить от них двум гостям, которых угостил сигарами, — и тут же попался в простую ловушку. Такую простую... Отважный злодей-революционер убил двух миллионеров.

— Да, но кому еще нужно их убивать? — спросил доктор.

— И в самом деле, кому? — сказал священник; голос его стал гораздо серьезней. — Мы подходим к тому, другому, о чем я говорил вам, и тут уж, поверьте, я не шутил. Я говорил, что ереси и ложные доктрины стали доступными и привычными. К ним притерпелись; их не замечают. Неужели вы думаете, что я имею в виду коммунизм? Что вы, совсем наоборот. Это вы тут взбеленились из-за коммунизма и решили, что Крейкен — бешеный волк. Без сомнения, коммунизм — ересь; но не из тех ересей, которые вы принимаете как должное. Как должное все принимают капитализм, нет, скорее пороки капитализма, скрытые под маской дарвинизма. Вспомните, о чем вы толковали в столовой: что жизнь — это непрерывная борьба, и выживет сильнейший, и вообще не важно, по справедливости заплатили бедняку или нет. Вот где настоящая ересь, дорогие друзья. К ней вы приспособились, а она во всем страшнее коммунизма. Вы принимаете как должное антихристианскую мораль или отсутствие всякой морали. А сегодня именно отсутствие морали и толкнуло человека на убийство.

— Да какого человека? — воскликнул Магистр, и хриплый его голос сорвался.

— Позвольте подойти с другой стороны, — спокойно продолжал священник. — Вы все решили, будто Крейкен сбежал. Но он не сбежал. Когда эти двое умерли, он помчался вниз по улице, вызвал доктора, крикнул ему в окно и сразу же побежал в полицию. Тут его и взяли. Неужели вас не удивляет, что казначей, мистер Бейкер, разыскивает полицию так долго?

— Чем же он тогда занят? — отрывисто спросил Магистр.

— Вероятно, уничтожает бумаги. Или роется в их вещах, ищет, не оставили ли нам письма. А может, тут что-то связано с Водэмом. Куда он делся? Все очень просто, тоже вроде шутки. Он проводит опыты, готовит для войны отравляющие вещества, и от одного из ядов, если его зажечь, человек внезапно цепенеет. Разумеется, сам он не имеет никакого отношения к этому убийству. Он скрывал свою химическую тайну по очень

простой причине: один из ваших гостей — американский пуританин, другой — еврей без определенного подданства. Такие люди почти всегда убежденные пацифисты. Они бы сказали, что он замыслил убийство и не дали бы колледжу денег. Но казначей — приятель Водэма, и для него не составляло труда обмакнуть спички в новый раствор.

Другая особенность маленького священника заключалась в том, что разум его был цельным и не ведал многих несообразностей. Без тени замешательства мог он перейти от общественного к частному. Сейчас он поразил собеседников, обратившись внезапно к одному из них, хотя только что беседовал со всеми. И ему не важно было, что лишь один мог понять, о чем он ведет речь.

— Простите, доктор, что я запутал вас, углубившись в метафизические рассуждения о грешнике, — виновато начал он. — Понимаете, по правде сказать, я на минуту вообще забыл об убийстве. Я забыл обо всем, я видел только химика, его нечеловеческое лицо среди цветов, — ну, просто незрячий идол каменного века. Я размышлял о том, что бывают какие-то истинные чудища, какие-то каменные люди; но к делу это не имеет отношения. Быть плохим — одно, совершать преступления — другое, это не всегда связано. Самые страшные преступники не совершают никаких преступлений. Практический вопрос в другом: почему этот преступник совершил это преступление? Зачем казначею Бейкеру их убивать? Больше нам ничто не важно. Ответ — тот же самый, что и на вопрос, который я задал дважды. Где были эти люди почти весь день — тогда, когда не рыскали по часовням и лабораториям? Казначей сказал сам, что они говорили с ним о делах.

Так вот, при всем почтении к покойным, я не думаю, что они были умны. Их представления об экономике и этике — языческие и черствые. Их представления о пацифизме вздорны. Но в одном они разбираются — в делах. Буквально за несколько минут они могли убедиться, что тот, кто отвечает за деньги колледжа, — мошенник. Или иначе — истинный последователь учения о неограниченной борьбе за существование и выживании сильнейшего.

— Вы хотите сказать, что они собирались разоблачить его, а он поспешил их прикончить, — нахмурился доктор. — Остается множество непонятных деталей.

— Остается несколько деталей, которых я и сам не понимаю, — откровенно признался священник. — По видимости, все эти свечи в подземелье придуманы для того, чтобы выкрасть у миллионеров спички

или удостовериться, что спичек у них нет. Но в основном я уверен, я просто вижу, как весело и беззаботно казначей перебросил спички рассеянному Крейкену. Так он и убил.

— Одного я не пойму, — сказал инспектор. — Откуда Бейкеру знать, что Крейкен сам не прикурит от его спичек? Все ж лишний труп...

Отец Браун помрачнел от укоризны и заговорил скорбно, но великодушно и приветливо.

— Ну, что это вы! — сказал он. — Он ведь только атеист.

— Я вас не совсем понимаю, — вежливо заметил инспектор.

— Он только хотел отменить Бога, — спокойно и рассудительно объяснил отец Браун. — Он хотел отменить десять заповедей, уничтожить религию и цивилизацию, создавшую его, смыть честь и собственность, сообразные здравому смыслу, чтобы его страну опошлили вконец дикари с края света. Вот и все. Вы не вправе обвинять его еще в чем-то. Ну, Господи, для каждого есть предел! А вы хладнокровно предполагаете, что пожилой ученый из Мандевиля (несмотря на свои взгляды, Крейкен принадлежит к старшему поколению) закурит или даже чиркнет спичкой, когда он еще не допил свой портвейн! Ну уж, нет! У людей есть хоть какой-то закон, какие-то запреты! Я был в столовой. Я видел его. Он не допил вина, а вы спрашиваете, как это он не закурил! Стены Мандевильского колледжа не знают такой анархии... Занятое место, этот колледж. Занятое место — Оксфорд. Занятое место — Англия.

— Разве вы связаны с Оксфордом? — вежливо осведомился доктор.

— Я связан с Англией, — ответил отец Браун. — Я родом оттуда. А самое смешное, что можно любить ее, жить в ней и ничего в ней не смыслить.

Примечания

Тюдорова арка. — То есть арка в стиле эпохи Тюдоров (конец XV — XVI в.). Для этого архитектурного стиля характерно сочетание камня и кирпича.

Кориолан Гай Марк (V в. до н. э.) — легендарный герой Древнего Рима, презирающий плебс; воплощение презрительного отношения к страдающему народу; герой шекспировского «Кориолана» (1623).

Тарквиний Старший — последний из легендарных царей Рима, отменивший привилегии, предоставленные ранее плебеям.

Гай Фокс (1570 — 1606) — участник т. н. «Порохового заговора», неудавшейся попытки взорвать 5 ноября 1605 г. Парламент; был разоблачен и казнен вместе с другими заговорщиками. День 5 ноября до начала XX в. отмечался в Англии праздничным фейерверком.

Баптисты... методисты — секты, возникшие в английском пуританстве.

Анабаптисты — строгая протестантская секта, сторонники которой настаивают на вторичном крещении тех, кто крещен без понимания сущности доктрины.

1

Оцепенение смерти (лат.)